

РАЗБОРЪ

СОЧИНЕНИЯ Г. АНДРЕЕВСКАГО

„О ПАНЪСТНИКАХЪ, ВОЕВОДАХЪ И ГУБЕРНАТОРАХЪ“,

СОСТАВЛЕННЫЙ

ПО ПОРУЧЕНЮ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ,

Николаемъ Калачевымъ,

СЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ИССЛѢДОВАНІЯ АВТОРА И ОБЗРѢНІЯ ПРОЕКТОВЪ
И БУМАГЪ КОМИТЕТА 6-ГО ДЕКАБРЯ 1826 ГОДА, ОТНОСЯЩИХСЯ КЪ ГУБЕРНСКИМЪ
УЧРЕЖДЕНІЯМЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

(Вас. Ост., 9 лин. № 12.)

1867.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санкт-петербургъ, 22-го марта 1867 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

На диспутѣ, въ которомъ г. Андреевскій защищалъ въ С.-Петербургскомъ Университетѣ написанную имъ, для полученія степени доктора правъ, диссертацию «О Намѣстникахъ, Воеводахъ и Губернаторахъ», я имѣлъ честь, по приглашенію гг. Профессоровъ Юридическаго Факультета, высказать нѣсколько относящихся къ ней замѣчаній, изложенныхъ мною за тѣмъ подробнѣе въ рецензій, составленной на то же сочиненіе по порученію Императорской Академіи Наукъ. Тогда же, имѣя подъ рукою нѣкоторые неизданные еще матеріалы по древнему русскому праву и драгоцѣнныя бумаги по преобразованію губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій состоявшаго при Государственномъ Совѣтѣ Комитета 6-го декабря 1826 года, которыя были сообщены мнѣ покойнымъ графомъ Д. Н. Блудовымъ въ бытность мою членомъ (отъ II-го Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи) образованной при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ Коммиссіи о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ, я составилъ съ одной стороны по вышеупомянутымъ древнимъ документамъ Очеркъ отношеній народа къ правительственнымъ властямъ до Петра Великаго, и перечень учрежденій древней Россіи, оставшихся болѣе или менѣе продолжительное время и въ XVIII-мъ столѣтіи, а съ другой стороны—полный отчетъ о проектахъ и другихъ бумагахъ Комитета 6-го декабря,

относящихся до Губернскихъ учрежденій. Удостоившись впоследствии получить Высочайшее разрѣшеніе на напечатаніе этого послѣдняго труда, я счелъ полезнымъ приложить его, вмѣстѣ съ двумя вышеозначенными статьями, какъ важный матеріалъ для исторіи отечественнаго законодательства, къ написанному мною отзыву о книгѣ г. Андреевскаго, и въ виду такого его значенія, независимо отъ Отчета Академіи Наукъ о XXXIV-мъ присужденіи Демидовскихъ премій, въ которомъ, между прочими рецензіями, помѣщенъ и мой разборъ, выпустить въ свѣтъ нѣсколько отдѣльныхъ экземпляровъ этого разбора со всѣми въ нему приложеніями.

Н. Калачовъ.

РАЗБОРЪ СОЧИНЕНІЯ

Г. АНДРЕЕВСКАГО:

„О НАМѢСТНИКАХЪ, ВОЕВОДАХЪ И ГУБЕРНАТОРАХЪ“.

Имя г. Андреевскаго довольно извѣстно въ нашей юридической литературѣ. Но и независимо отъ этого, предметъ, выбранный имъ для настоящаго его сочиненія, имѣетъ такое важное современное значеніе; такъ близко соприкасается практическаго осуществленія одной изъ великихъ реформъ, предпринятыхъ правительствомъ; такъ наконецъ наглядно, однимъ своимъ названіемъ, выясняетъ необходимость въ подробномъ изученіи исторіи отечественнаго законодательства для развитія началъ его въ ближайшемъ будущемъ, что мы, конечно, въ полномъ правѣ признать предложенный нашему разсмотрѣнію трудъ за капитальное и многознаменательное явленіе, заслуживающее большаго вниманія даже по одной его мысли. Что съ этой самой точки смотрѣлъ на свою задачу и авторъ — очевидно какъ изъ его предисловія, въ которомъ онъ, указывая на «Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ», прибавляетъ, что оно предназначено внести новую жизнь въ губернское управленіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ значительно видоизмѣнить и существо должности губернатора, почему самому «изученіе всѣхъ началъ и сторонъ бывшаго до сихъ поръ мѣстнаго управленія въ Россіи имѣетъ глубокой теоретическій и современный интересъ»; такъ и изъ заключенія къ его книгѣ, въ которомъ онъ ясно говоритъ, что «въ типѣ губернаторской должности замѣтны признаки

начала историческаго, имѣющаго вполне измѣниться, преобразоваться въ иной, новый типъ мѣстнаго администратора».

Итакъ: въ чемъ заключался этотъ типъ мѣстнаго управителя въ разное время существованія нашего государства; какъ онъ дѣйствовалъ въ средѣ, его окружавшей, при разныхъ условіяхъ народнаго быта; какія черты онъ вынесъ отсюда, какъ основныя начала нынѣшняго званія губернатора и какія наконецъ измѣненія предстоятъ ему въ будущемъ? — вотъ тѣ важныя вопросы, которые долженъ былъ задать себѣ авторъ и удачное разрѣшеніе коихъ можетъ имѣть большую цѣну не только для науки, но и для дѣли практической.

Мы полагаемъ, что обязанность наша, какъ рецензента, будетъ выполнена, если мы покажемъ, въ какой мѣрѣ разрѣшены авторомъ всѣ эти вопросы и насколько его разрѣшеніе можетъ быть признано, по нашему мнѣнію, удовлетворительнымъ. Поэтому приступаемъ прямо къ разсмотрѣнію способа, принятаго имъ для изложенія своего предмета, такъ какъ отсюда лучше всего видно, на что было обращено авторомъ особенное вниманіе и что напротивъ, оставлено имъ, какъ неподлежащее разсмотрѣнію.

«Должность губернатора — говоритъ г. Андреевскій — находится въ исторической связи съ должностями воеводы и намѣстника: это три однородныя должности, принадлежащія тремъ разнымъ періодамъ исторіи русскаго права.... Каждая изъ этихъ должностей стоитъ въ тѣсной связи со всѣмъ, какъ мѣстнымъ, такъ и общимъ государственнымъ управленіемъ. Дѣлая предметомъ настоящаго анализа только одну эту должность, я счелъ необходимымъ указать и на связь ея съ другими органами какъ общаго государственнаго, такъ и мѣстнаго управленія, по старался при выясненіи этой связи не вдаваться въ подробности. При самомъ анализѣ трехъ этихъ однородныхъ должностей я имѣлъ цѣлію изученіе каждой изъ нихъ преимущественно посредствомъ разсмотрѣнія тѣхъ дѣлъ, которыя были имъ поручаемы, или которыя по обычной необходимости входили въ кругъ обязанностей, связывавшихся съ этими должностями. Изъ богатыхъ данныхъ,

представляемыхъ источниками исторіи русскаго права, я подвергалъ изученію особенно тѣ, которыя, не представляя какого либо случайнаго, относящагося къ отдѣльной мѣстности явленія, обличаютъ напротивъ характеръ общаго правила или начала: совокупность такихъ данныхъ можетъ болѣе или менѣе вѣрно обрисовать типъ этой правительственной должности трехъ различныхъ періодовъ русской жизни. На этомъ основаніи я рассматривалъ эту должность только по отношенію къ Великороссіи; разсмотрѣніе соотвѣтствующей должности въ тѣхъ областяхъ, которыя составляютъ теперь части Россійской Имперіи, но которыя имѣли свою отдѣльную жизнь и исторію, требуетъ особаго спеціальнаго труда» (стр. 1—2).

Изъ этихъ словъ очевидно, что авторъ преимущественное вниманіе обратилъ на права и обязанности, которыя лежали на намѣстникахъ, воеводахъ и губернаторахъ, какъ на главныхъ органахъ мѣстнаго управленія въ разные періоды его развитія. Такъ какъ однако эти права и обязанности лишь въ отношеніи къ губернаторамъ выражены съ достаточною ясностію въ законодательныхъ источникахъ, то г. Андреевскій призналъ полезнымъ для опредѣленія ихъ сущности обращаться и къ другимъ современнымъ матеріаламъ, ограничившись при этомъ памятниками, относящимися къ одной Великой Россіи. Съ своей стороны, мы не можемъ не одобрить такого ограниченія: оно избавило автора отъ обязанности усложнять свой трудъ частями, которыя во многихъ случаяхъ не имѣли бы съ нимъ ближайшей связи; а для предположенной имъ практической цѣли были бы скорѣе вредны, чѣмъ полезны, заслоняя собою тѣ непосредственные выводы, которые должны быть добыты исключительнымъ изслѣдованіемъ юридическаго быта частей Россіи, составляющихъ, какъ ея зерно или основа, однородное цѣлое. Но затѣмъ считаемъ долгомъ остановиться нѣсколько долѣе на поставленной себѣ авторомъ задачѣ — раскрыть главнымъ образомъ права и обязанности, лежавшія на намѣстникахъ, воеводахъ и губернаторахъ въ разные періоды мѣстнаго управленія. Вполнѣ понимая, что съ точки зрѣнія теоре-

тической разрѣшеніе этого вопроса необходимо, мы думаемъ однако, что изслѣдованіе о сущности правъ и обязанностей означенныхъ органовъ мѣстнаго управленія было бы слишкомъ односторонне, если бы вмѣстѣ съ тѣмъ не взято было во вниманіе самое проявленіе ихъ дѣятельности въ той средѣ, въ которой имъ суждено было осуществлять тѣ или другія права и обязанности. Такъ думалъ и авторъ, и потому мѣстами мы находимъ въ его сочиненіи указанія на бытъ народный, который вызывалъ тѣ или другія мѣры со стороны правительства. Такъ напримѣръ, упоминая о привилегіяхъ, или жалованныхъ и уставныхъ грамотахъ, которыя давались князьями, съ XIV столѣтія, какъ отдѣльнымъ лицамъ, такъ и цѣлымъ общинамъ въ ущербъ власти намѣстниковъ, онъ старается пояснить основанія, вызвавшія эти привилегіи (стр. 32 и 33). Такъ, говоря о появленіи должности воеводъ, онъ указываетъ, между прочимъ, какъ на причину ея введенія, измѣнившіеся нравы и обстоятельства, содѣйствовавшіе въ XVI столѣтіи развитію всеобщаго рабства и крѣпости (стр. 37). Такъ наконецъ и въ отношеніи къ губернаторамъ авторъ замѣчаетъ, что эта должность не могла получить того значенія, которое предполагало дать ей правительство, потому что тому препятствовало отсутствіе необходимаго условія государственной жизни—гражданской свободы бѣльшей массы подданныхъ (стр. 152 и 153). Но всѣ такія мѣста не имѣютъ, какъ намъ кажется, твердой внутренней связи съ самимъ изложеніемъ и характеристикой дѣятельности разсматриваемыхъ авторомъ органовъ мѣстнаго управленія. Напротивъ того, онъ съ самаго начала своего изслѣдованія старается лишь о томъ, какъ бы уловить тѣ постановленія верховной власти, которыми опредѣлялись права и обязанности означенныхъ должностныхъ лицъ, такъ что не находя видимыхъ указаній на такія постановленія въ древнѣйшихъ памятникахъ законодательства, заключаетъ отсюда, что намѣстникамъ, въ видѣ *кормленія*, предоставлялся полный произволъ относительно подвластнаго имъ народа. Вопреки однако этому предположенію, вслѣдъ затѣмъ исчисляются права и обязанности намѣстниковъ по дѣятельности финансовой, воен-

ной, политической и для пользы и благосостоянія народа, съ подраздѣленіемъ послѣдней на дѣятельность собственно административную и судебную. Переходя къ должности воеводъ, авторъ точно также бѣольшую часть этой главы своей книги посвящаетъ разсмотрѣнію лежавшихъ на нихъ обязанностей по управленію военному, дипломатическому, финансовому и хозяйственному, а также ихъ дѣятельности относительно народнаго благосостоянія и безопасности и по части судебной. Такая же наконецъ система соблюдена и при разсмотрѣніи должности губернаторовъ. Такимъ образомъ весь трудъ является собственно въ высшей степени добросовѣстнымъ разысканіемъ постановленій, разсѣянныхъ въ источникахъ законодательства о правахъ и обязанностяхъ, которыя возлагались правительствомъ, въ разное время, на главныхъ органовъ мѣстнаго управленія; о томъ же, какъ осуществлялись на практикѣ эти права и обязанности и какъ относился къ нимъ народъ подъ вліяніемъ своихъ нравовъ и обычаевъ, авторъ почти не упоминаетъ.

Мы никакъ не можемъ предположить, чтобы такой способъ изслѣдованія со стороны столь умнаго и точнаго писателя, какъ г. Андреевскій, былъ дѣломъ случайности или недостаточнаго вниманія его къ своему предмету. Къ счастью, онъ самъ, хотя не прямо, объясняетъ намъ причину, заставившую его устраниваться отъ ближайшаго разсмотрѣнія того, какъ проявлялась дѣятельность намѣстниковъ, воеводъ и губернаторовъ въ той средѣ, къ которой она непосредственно относилась. По мнѣнію автора, съ утвержденія въ Россіи единовластія до позднѣйшаго времени, народъ нашъ не былъ связанъ никакимъ единствомъ съ правительствомъ: онъ не принималъ никакого участія въ государственныхъ дѣлахъ и не проявлялъ никакихъ признаковъ общественной жизни; поэтому верховная власть сосредоточила въ рукахъ своихъ органовъ надзоръ и распоряженія по всѣмъ вѣтвямъ управленія. Но приведемъ лучше, въ подтвержденіе такого мнѣнія г. Андреевскаго, его собственныя слова, представляющія вмѣстѣ съ тѣмъ сжатый очеркъ его взгляда на весь ходъ и развитіе должностей

намѣстника, воеводы и губернатора, хотя не можемъ при этомъ не замѣтить, что изъ сказаннаго здѣсь многое является лишь выраженіемъ личнаго убѣжденія автора, а не выводомъ изъ предъидущихъ его изслѣдованій.

«Характеристическія черты должности губернатора указываютъ — говоритъ онъ — на тѣсную связь ея съ прошедшимъ: это одна изъ формъ тѣхъ общественныхъ, политическихъ началъ, двумя другими формами которыхъ являлись воеводы и намѣстники.

«Современные тому положенію общественной жизни Россіи, когда не было связи и единства между правительствомъ и народомъ, когда отсутствовало одно изъ условій государственной жизни — верховная власть, — намѣстники постепенно теряютъ свой прежній характеръ, постепенно блѣднѣютъ съ возвышеніемъ Москвы, съ порождающеюся связью между властью и народомъ и исчезаютъ при развитіи верховной власти, при первомъ анализѣ, который стремится провести новое Московское правительство по отношенію къ благополучію народа.

«Этотъ, начавшійся въ Москвѣ, анализъ замираетъ въ самомъ началѣ. Условія общественной жизни отвлекаютъ власть отъ возможности того союза съ народомъ, первые лучи котораго блеснули въ XVI стол. Начало рабства съ одной стороны, начало смутъ и войны съ другой, заставляютъ Московское правительство обратиться къ прежнимъ, отчасти подавленнымъ, но неразрушеннымъ элементамъ, которымъ Москва даетъ новую форму вмѣсто намѣстнической — воеводскую; воеводы, какъ временные, вызванные случайными обстоятельствами администраторы дѣйствуютъ около двухъ столѣтій, продолжаютъ въ новой формѣ прежнее намѣстническое дѣло и службу.

«Должность воеводъ и намѣстниковъ связана историческою нитью: при тѣхъ и другихъ нѣтъ совокупности условій, которыя бы дѣлали возможною дѣйствительную государственную жизнь и мѣстныхъ администраторовъ дѣйствительными правителями. Произволь, посулы, вѣра въ дьяка, безпечность въ управленіи, корыстныя, эгоистическія убѣжденія относительно призыва даютъ

много сходства воеводамъ съ намѣстниками; но есть между ними и разница. Намѣстники, обязывая князя своею службою, давая ему возможность стремиться къ власти и вырабатывать свое политическое положеніе, живутъ своею особою жизнію, знаютъ свое дружинное дородство и честь и видятъ въ народѣ, въ управляемыхъ свое законное средство. Иначе стоитъ воевода. Его дородство, его честь — только служилыя, придворныя; онъ подъ надзоромъ, на отчетѣ пользуется кормомъ и управляемыми, онъ окруженъ тѣми приказными формами, которыя создаются Московскимъ правительствомъ съ цѣлю доставить народу дѣйствительное управленіе и имѣть въ своей Московской власти, подъ своимъ отчетомъ управляющихъ. Но какъ правительство, окруженное началами рабства, началами крѣпости, не въ состояніи наполнить созданныя имъ формы дѣйствительно государственнымъ содержаніемъ, то воевода наполняетъ ихъ собственнымъ содержаніемъ, и прикрываясь ими, онъ въ своей дѣятельности, въ своихъ отношеніяхъ къ народу, съ виду многимъ отличенъ отъ намѣстника, но въ дѣйствительности нерѣдко его напоминаетъ. Впрочемъ произволъ его, власть его, обращеніе съ народомъ, какъ съ средствомъ для его личныхъ владительскихъ цѣлей, не выступаютъ гласно и явно, напротивъ, укрываются отъ контролирующей Москвы, и только потому, что правительственныя средства контроля слабы, воевода даетъ результаты управленія не тѣ, какихъ бы желало Московское правительство.

«Съ начавшимися въ XVIII столѣтіи преобразованіями Россіи преобразовываются и представители мѣстнаго управленія: вмѣсто воеводъ являются губернаторы. Попытка провести во все управленіе государственныя начала, отдѣлить отъ администраціи судъ, поставить управителей на надлежащія основанія государственной отвѣтственности — встрѣтила неодолимые препятствія въ самыхъ условіяхъ общественной жизни, заставлявшихъ общество оставаться совершенно равнодушнымъ по отношенію къ вопросу своего благосостоянія и развитія. Заклучая въ себѣ сильный процентъ начала рабства и крѣпости, общество не въ состоя-

ни было воспользоваться или даже принять какое либо участие въ государственныхъ началахъ, которыя правительство съ такою энергіею стремилось влить въ Русскую жизнь. Необходимымъ послѣдствіемъ такого положенія явилось желаніе правительства взять всѣ работы относительно развитія общества исключительно на себя, устроить жизнь общества по своему, и не обращая вниманія на равнодушіе общества, вести его къ счастью и развитію во что бы то ни стало. Губернаторы, поставленные императоромъ Петромъ I, выражая въ кругѣ своихъ обязанностей это стремленіе правительства доставить обществу такое искусственное развитіе и благосостояніе, могутъ выполнять возлагавшіяся на нихъ обязанности только формально, неудовлетворительно. Неудовлетворительность мѣстнаго управленія вызвала анализъ императрицы Екатерины II. Въ ея великомъ наказѣ комиссіи сочиненія новаго уложенія и нѣкоторыхъ распоряженій свѣтятся намѣренія совершенно отбросить покровительственную политику, вызвать стремленіе самого общества къ развитію и благополучію, ограничить правительственную дѣятельность наблюденіемъ, чтобы общественныя силы развивались не въ ущербъ интересамъ правительства и государства; поставить на совершенно иныя основанія и мѣстныхъ управителей — губернаторовъ. Но этимъ стремленіямъ нельзя было осуществиться при отсутствіи необходимаго условія государственной жизни — гражданской свободы большей массы подданныхъ: крѣпостная зависимость составляла преграду, о которую разбивались всѣ проекты и планы государственной жизни. Потому, вмѣсто новыхъ началъ губернскаго управленія, императрица Екатерина II, въ своемъ учрежденіи 1775 года, кладетъ прочнѣйшія основанія централизаціи губернскаго управленія въ должности губернатора. Не будучи въ состояніи дать губернатору постъ правительственнаго контролера надъ дѣятельностію общественныхъ силъ, такъ какъ такой дѣятельности не существовало, правительство продолжаетъ по прежнему, хотя въ другой формѣ, дѣлать и работать само за общество: въ должности губернатора императрица Екатерина II совокупляетъ обязанности какъ над-

зора, такъ и распоряженій по всѣмъ вѣтвямъ и отраслямъ администраціи. Ея преемники продолжаютъ систематически дополнять и развивать ея начатое: на началахъ централизаціи постепенно вырастаетъ должность губернаторовъ и достигаетъ полнѣйшихъ формальныхъ размѣровъ къ тому времени, какъ совершается полнѣйшій переворотъ Русской государственной жизни, манифестомъ 19 февраля 1861 года, призвавшимъ къ государственной жизни большинство русскаго народа, потерявшее свою гражданскую свободу. Возвращеніе къ гражданской свободѣ народа, будучи возвращеніемъ къ потерянному государственному единству, возбуждаетъ реформу всего того, что являлось до сихъ поръ началомъ государственнымъ только со стороны формы, что не могло въ теченіи столькихъ столѣтій наполниться надлежащимъ государственнымъ содержаніемъ. Должность губернатора прежде всего испытываетъ на себѣ благія перемѣны и приведетъ къ выработкѣ новаго типа губернаторской должности.

«Какъ съ XVIII стол. въ реформахъ относительно должности начальника губерніи направленіе заключалось въ систематическомъ сосредоточеніи въ рукахъ губернатора всѣхъ вѣтвей управленія, такъ теперь направленіе реформъ приметъ путь діаметрально-противоположный: отъ должности губернатора будетъ отсѣкаться все то, что имѣло значеніе только формальное, что не вытекало изъ идеи самой должности, но присоединялось къ ней только потому, что не на кого было возложить, некому было довѣрить. Изданныя уже два положенія, являющіяся прямыми и непосредственными послѣдствіями освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости (Основныя положенія преобразованія судебной части 1862 г. и Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 1 января 1864 г.) заявляютъ путь, по которому двинутся реформы должности губернатора. Основныя положенія преобразованія судебной части даютъ возможность отдѣлить наконецъ судъ отъ администраціи и избавить губернатора отъ обязанности быть судьей, отдѣляютъ ему сферу исключительно административную. Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ отсѣкаетъ отъ должности губернатора распоряженія важ-

нѣйшими финансовыми дѣлами мѣстности и распоряженія по важнѣйшимъ полицейскимъ вопросамъ, благосостоянія и безопасности (общественное хозяйство, пути сообщеній, народное продовольствіе, общественное призрѣніе бѣдныхъ и проч.); всѣ эти вопросы, разрѣшаемые земствомъ, будутъ получать, когда новыя начала земскаго управленія дѣйствительно привьются, надлежащее, дѣйствительное разрѣшеніе, не будутъ ограничиваться однѣми формами, какъ это, по необходимости, должно было являться при губернаторскомъ управленіи этими дѣлами. Должность губернатора такимъ образомъ мало по малу сдѣлается постомъ наблюдателя государственныхъ, правительственныхъ интересовъ, сдѣлается постомъ политическимъ, заключить въ своемъ существѣ возможность осуществлять этотъ важный призывъ новымъ, дѣйствительно государственнымъ образомъ» (стр. 150 и 154).

Отдавая должную справедливость логической послѣдовательности, съ которою авторъ связываетъ между собою въ этомъ живомъ взглядѣ разныя части своего предмета, и вполне сочувствуя высокому интересу, который онъ возбуждаетъ въ читателѣ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ убѣждаемся, что на задачу предпринятаго имъ труда онъ смотрѣлъ только со стороны содержанія или суммы должностныхъ обязанностей, возлагавшихся верховною властью на ея органовъ по дѣламъ мѣстнаго управленія. Такъ какъ, по мнѣнію г. Андреевскаго, оно первоначально всецѣло передавалось въ ихъ руки, то въ немъ смѣшивались безразлично разныя отрасли. Затѣмъ правительство перешло къ различенію этихъ отраслей и къ распредѣленію ихъ между разными органами мѣстнаго управленія; но всѣ онѣ сосредоточивались, сначала безъ системы, а потомъ, на основаніи строго проведеннаго начала централизаціи, въ рукахъ воеводъ и губернаторовъ, пока наконецъ, съ освобожденіемъ народа отъ крѣпостной зависимости и отъ другихъ стѣснительныхъ условій его частной и общественной жизни, оказалось возможнымъ большую часть ихъ передать въ его руки. Такимъ образомъ, выясненіе началъ, на основаніи которыхъ верховная власть устанавливала у насъ въ разное время мѣстное управ-

леніе, съ помощію подробнаго анализа правъ и обязанностей, лежавшихъ на намѣстникахъ, воеводахъ и губернаторахъ, какъ на главныхъ органахъ этого управленія — вотъ что поставилъ себѣ цѣлью авторъ и что онъ выполнилъ, какъ намъ кажется, съ блистательнымъ успѣхомъ. Поэтому, становясь на его точку зрѣнія, хотя и полагая, что такой взглядъ должно признать одностороннимъ, такъ какъ онъ оставляетъ безъ анализа самый предметъ мѣстнаго управленія, т. е. народъ, такъ или иначе, но всетаки постоянно проявлявшій свою частную и общественную дѣятельность и вліявшій ею, какъ сознается самъ авторъ, на реформы въ администраціи — мы ограничимся въ дальнѣйшихъ замѣчаніяхъ на книгу г. Андреевскаго предѣлами поставленной имъ себѣ задачи. Прибавимъ при этомъ къ его оправданію, что уясненіе дѣятельности самого народа въ отношеніи къ тѣмъ или другимъ органамъ мѣстнаго управленія, въ настоящее время, при незначительномъ еще количествѣ изданныхъ матеріаловъ о народномъ бытѣ, представляется весьма затруднительнымъ. Предположивъ себѣ эту цѣль, чтобы пополнить такой недостатокъ въ трудѣ г. Андреевскаго, мы должны были руководствоваться преимущественно рукописными источниками, которые собирали въ теченіе многихъ лѣтъ *).

Начнемъ наши замѣчанія съ намѣстниковъ, признаваемыхъ авторомъ тождественными съ посадниками первыхъ князей, что совершенно справедливо и по нашему мнѣнію. Но мы думаемъ, что, напрасно, увлекаясь предположеніемъ нѣкоторыхъ нашихъ юристовъ объ исключительно фискальной цѣли верховной власти въ первый періодъ ея отношеній къ народу, г. Андреевскій считаетъ согласными съ нею и потому правильными и законными какія бы то ни было дѣйствія въ это время посадниковъ и намѣстниковъ (стр. 10), т. е. что князья не обращали вниманія на то, какими способами достигалась, поставленными ими надъ народомъ властями, вышеозначенная фискальная цѣль. Въ опроверженіе этого мнѣнія мы можемъ указать на древнѣйшіе памятники

*) См. ниже. Приложение I.